

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛАГОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Г. ЯХИНОЙ)

© Елена Колосова, Татьяна Гимранова

EXPRESSIVE POTENTIAL OF VERBS IN THE FICTIONAL TEXT (BASED ON G. YAKHINA'S WORKS)

Elena Kolosova, Tatyana Gimranova

This article studies expression making devices in fictional texts by analyzing the use of semantic and stylistic potential of the Russian verb in the works of Guzel Yakhina, a representative of modern women's prose. The focus is on the identification of the most common expression making devices and on the overall individual writing technique of Yakhina: using verbs to create expressiveness within a fictional text. We chose the descriptive method as the leading research method, which allowed us to summarize our findings. Furthermore, we used contextual and component types of the language material analysis, extracting continuous samples from Guzel Yakhina's works. Thus, we have found that Yakhina uses traditional expression making devices in her works (personification, anaphora, gradation, parallel syntax, etc.). The author resorts to the semantic and stylistic features of the Russian verb to create vibrant living narrative pictures. We highlight Guzel Yakhina's special manner of the verb lexicon application, obsolete verbs (or verb forms) are often found in the writer's creative work. Her work is characterized by such things as clear semantic and stylistic differentiation of onomatopoeic verbs, skillful use of a common language in fictional texts and creation of occasional formations for semantic nuances. As a result of the conducted research, we conclude that the use of traditional devices for expression making in fictional texts is possible owing to the semantic and stylistic potential that verbs possess, the involvement of obsolete lexicon that helps portray past events accurately and the creation of occasional variants.

Keywords: Russian language, verb, artistic text, women's prose, expression making devices

Статья посвящена рассмотрению приемов создания экспрессии в художественном тексте при использовании семантико-стилистических возможностей русского глагола в романах Г. Яхиной, представительницы современной женской прозы. Особое внимание уделяется выявлению наиболее частотных приемов создания выразительности, в целом индивидуальной писательской манере Г. Яхиной использовать глаголы для создания экспрессивности в пределах художественного текста. Ведущим методом исследования стал описательный метод, который позволил авторам статьи провести обобщения; кроме этого применялся контекстуальный и компонентный виды анализа языкового материала, отобранного методом сплошной выборки из произведений Г. Яхиной. Так, было установлено, что Г. Яхина использует традиционные приемы создания выразительности (олицетворение, анафора, градация, синтаксический параллелизм и др.). При создании ярких «живых» картин повествования писательница обращается к семантико-стилистическим особенностям русского глагола. Можно отметить особое отношение Г. Яхиной к глагольной лексике, в творческой манере писательницы отмечается частое обращение к устаревшим глаголам (или формам глаголов), четкая семантико-стилистическая дифференциация звукоподражательных глаголов, умелое использование просторечия в рамках художественного текста, создание окказиональных образований для семантической нюансировки. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что создание экспрессии в художественном тексте в рамках традиционных приемов выразительности при использовании глаголов может быть связано с эксплуатацией семантико-стилистических возможностей самих глаголов, привлечением устаревшей лексики для воссоздания колорита, созданием окказиональных вариантов.

Ключевые слова: русский язык, глагол, художественный текст, женская проза, приемы создания экспрессии

Глагол в системе частей речи русского языка определяется исследователями как самая сложная и самая богатая часть речи, к тому же глагол обладает большим потенциалом в плане передачи экспрессии, так как имеет яркие семантико-стилистические возможности описания жизни в ее развитии, движении. «Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее насыщенной, то есть непосредственно отражающей действительность, категорией современного русского языка. В глаголе лексическая многозначность совмещается с богатством и многообразием грамматических форм» [1, с. 476]. Четкая дифференциация в употреблении того или иного глагола в речи самого персонажа, подбор глагольных лексем для создания отдельного образа и его характеристики со стороны автора, наконец, вся система глагольных форм, используемых в контексте произведения, – все это способствует созданию поистине незабываемых словесных образов русской действительности. На наш взгляд, глагол представляет несомненный интерес как значимая составляющая художественного текста в плане создания экспрессии.

Интерес современных исследователей к языку художественных произведений ярких представительниц женской прозы конца XX – начала XXI вв. (Татьяны Толстой, Дины Рубиной, Людмилы Улицкой и др.) не ослабевает, рассматриваются разные стороны создания экспрессии и выразительности в тексте (см. раб. Е. Г. Кошкарновой [2], Г. А. Пушкарь [3], Е. Е. Пастуховой [3] и др.). Как отмечает Кошкарнова Е. Г., «...сама „женская тема“ традиционно, на протяжении, по крайней мере, двух столетий разрабатывавшаяся в ней мужчинами, постепенно переходит в руки самих женщин, становится художественной почвой для появления ряда ярких писательских имен и даже, с известной мерой условности, дает критике возможность поставить вопрос о формировании в русской литературе последних десятилетий определенного творческого направления» [2, с. 4].

В данной статье мы рассматриваем авторские приемы создания выразительности на уровне использования глаголов на материале произведений Гузели Яхиной – «самой яркой дебютантки в истории российской литературы новейшего времени», как отмечает Елена Костюкович в предисловии к роману «Дети мои» [5, с. 4]. В рамках анализа были исследованы языковые единицы, отобранные методом сплошной выборки, для комментирования и обобщения был использован описательный метод, а также в ряде случаев применялись контекстуальный и компонентный

виды анализа. Материалом для исследования послужили романы Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), «Дети мои» (2018), «Эшелон на Самарканд» (2021).

Одним из ярких приемов создания интенсивности действия в романах Г. Яхиной можно назвать использование синтаксических средств выразительности, таких как анафора, параллелизм, ряды однородных членов. При этом можно отметить, что Г. Яхина владеет особым мастерством использования различных средств выразительности и сочетает их в пределах описания одной картины, наращивая таким образом экспрессию всего повествования. Наше внимание привлек следующий фрагмент из романа «Эшелон на Самарканд», в котором использование синтаксических средств выразительности основано на языковой игре: сначала повтор прилагательного *лютый*, вписанного в ряд однородных членов, а затем анафора с использованием форм глагола *лютовать* создают поистине яркую картину бедственного положения, расширяя пространство повествования:

Смерть принимала разные обличья: эпидемии, голод, лютые зимы, лютая бедность, лютый бандитизм. Лютовало оттесняемое на задворки республики белое воинство, пока не было уничтожено. Лютовала своя, Красная армия. Лютовали крестьяне-бунтовщики, не желая сдавать зерно государству. Лютовали продотряды, забирая в деревнях «кровь вместо хлеба» [6, с. 84].

Не случайно, даже сами писатели, в том числе представители женской прозы, отмечают талант Г. Яхиной. Как отмечает Л. Улицкая в рецензии к роману «Зулейха открывает глаза», «Гузель Яхина возвращает нас к словесности точного наблюдения и тонкой психологии» [7, с. 6]. Анафора в ряде случаев усиливается параллелизмом, отмечается одинаковое синтаксическое построение предложений: *Свирепствовали болезни: тиф сожрал три миллиона граждан, «испанка» – еще три. Свирепствовал голод: тридцать пять губерний – девяносто миллионов человек – который год стонали беспрерывно «хлеба!»* [6, с. 84].

При использовании рядов однородных членов писательница выстраивает глаголы в предложении таким образом, что они описывают действия с разных сторон, совмещают в себе базовые характеристики (физические свойства, психические процессы и др.), количество глаголов в таких рядах может колебаться от 3 до 5-6 единиц: *...а голова гудит, горячее, наливается яростью...* [7, с. 294]; *...небо шуршало, трещало, гудело раскатисто..., вспыхивало белым, ахало*

страстно и низко, падало на степь... [5, с. 25];обитатели приемника глазели в окна, резались в карты, болтали, дрыхли, выкусывали вшей, просто таращились бездумно в потолок [6, с. 21].

На наш взгляд, интересны случаи употребления элементов, графически оформленных как написание глаголов через дефис, подобно традиционным фольклорным формулам, например, инициальным (зачины) в русских сказках: *жили-были, жить-поживать, было-жило*. Это дает писателю возможность показать градацию в пределах одной словесной конструкции, усилить экспрессию: *...звуки хлынули в уши: зашуршала-загрохотала по насту поземка, заныл-заколотился об крышу ветер, звякнули-затренькали оледеневшие ветви яблонь в саду [5, с. 148].*

С помощью приема олицетворения автор создает яркие и неповторимые художественные образы, описывает переживания героев, выражает их отношение к предметам и явлениям. Так, описывая брошенные дома в романе «Дети мои», Г. Яхина, используя олицетворение, создает картину одиночества и отчужденности. Дом – символ тепла, уюта и защищенности, оставшийся без хозяев, сродни осиротевшему несчастному человеку, не верящему, что это действительно с ним произошло. Просторечный глагол *пялиться* передает ощущение растерянности, удивления и непонимания происходящего. Еще один глагол – *сутулиться*, создающий олицетворение, помогает читателю представить согбенного человека, отягощенного горем: *Многие жилища оставлены хозяевами: слепо пялились друг на друга заколоченными окнами, сутулились давно не чиненными крышами в козырьках слоистой наледи... [5, с. 151].*

Интересный пример олицетворения наблюдаем и в романе «Эшелон на Самарканд»: *Бушлат обнимал его уютнее всех пуховых перин [6, с. 216].* Тепло от форменной военной одежды приравнено здесь к душевному теплу, получаемому от объятий дорогого, близкого человека. Приведем еще один яркий пример олицетворения в названном выше романе: *Свиристели болели: тиф сожрал три миллиона граждан... [Там же, с. 84].* Страшная болезнь благодаря приему олицетворения показана автором как ужасное чудовище, поглощающее огромное количество людей.

Любопытно, что Г. Яхина нередко совмещает приемы выразительности в плане использования глагольной лексики: *...слова... вдруг проснулись, зашевелились, заволновались. Рвались наружу... [5, с. 180].* В приведенном примере в первую

очередь обращает на себя внимание прием олицетворения, при помощи которого Г. Яхина тонко подчеркивает живительную силу слова. Однако, помимо олицетворения, автор использует градацию, выстраивая глаголы в цепочку семантически и экспрессивно нарастающих лексем. Соединение указанных выше приемов усиливает выразительность текста и свидетельствует об умелом владении словом автором. Подобное совмещение приемов можно видеть и в романе «Зулейха открывает глаза». В данном случае наблюдаем олицетворение и звукоподражание: *Ахает выстрел... [7, с. 444].* Здесь звукоподражательный глагол *ахать* передает восклицание *ах*, произносимое человеком и выражающее какое-либо чувство: удивление, печаль и т. д.. Также весьма любопытным можно назвать олицетворение, выраженное устойчивым сочетанием, что придает ему книжный оттенок, но при этом не лишает его экспрессии: *Крепость хранила молчание [6, с. 16].* В данном примере крепость предстает перед читателем как некий живой таинственный организм.

Многие исследователи отмечают богатство и разнообразие звукоподражательных глаголов в русском языке. Считается, что в эту группу входят те глаголы, которые передают звучание, физиологические действия (включая говорение), движение и др. в окружающей действительности. Кроме этого, отмечается, что «... звукоподражательные глаголы отличаются внешней броскостью и экспрессивностью. В художественных произведениях они создают новизну и неожиданность словесного образа» [8, с. 114].

Звукоподражательные глаголы в арсенале писательницы находят свое применение для передачи непосредственно звучания, прежде всего птичьего гомона, при этом Г. Яхину привлекают нечастотные глаголы, отмечается окказиональное совмещение звукоподражаний в одну лексему, семантическое осмысление в контексте и др. Привлекло наше внимание использование глагола *чвиркать* в романе «Зулейха открывает глаза»: (синица) *Не боится, смотрит на Зулейху внимательно, чвиркает [7, с. 66].* В словарях русского языка отмечается звукоподражание: *чвиркать, -аю, -аешь, несов. Разг. Издавать характерные звуки, похожие на «цвирк-цвирк» (о сверчке, о кузнечике) [9].* А в романе у Г. Яхиной звук производит птичка, напоминающая главной героине ее умершую во младенчестве дочку Шамсию. Случайно ли совпадение начального звука, своеобразная контаминация с глаголом *чирикать* (ср. нач. Ц – Ч: *чвиркать – чирикать = чвиркать*)? Обычно этот глагол используют при

характеристике пения маленьких птиц (воробьев), которые вызывают умиление.

Гузель Яхина при использовании звукоподражательной глагольной лексики тонко чувствует семантику глагола, подразумевает все его смысловые оттенки. Так, например, в контексте из романа «Дети мои» приставочное образование глагола *(за)цыкать* поддерживается характеристикой самого субъекта, производящего звук, – рассерженной гаички: *...хрипло зацыкала в кустах рассерженная гаичка* [5, с. 25]. Здесь явное олицетворение, птичке приписываются человеческие качества: *зацыкать*, сов. неперех. разг.-сниж. 1) Начать цыкать, издавая щелкающий звук, похожий на [ц]; 2) перен. Начать прикрикивать «цыц», запрещая делать что-л. [10].

В тексте автор довольно часто сама дифференцирует лексическую сочетаемость того или иного звукоподражания. Отмечено использование вариаций глаголов: *дзынькать*, *дзынькнуть* – *(за)дзенькать*, которые в тексте распределяет автор. Например, при обозначении физического состояния человека дается характеристика звучания, сходного с дребезжанием стеклянных предметов: *...рюмки громко дзынькнули...* [5, с. 39]; *...после этого долго тенькало и дзынькало в голове* [Там же, с. 203]. Но при описании пения птиц в этом же романе используется другой вариант глагола: *...овсянкам задзенькать на кленовых ветках* [Там же, с. 214]. Важно отметить нечастотность данных звукоподражаний в употреблении, из приведенных контекстных примеров отмечен в Словаре С. Ожегова только глагол *тенькать*, -аю, -аешь; несов. (разг.). Издавать звенящий прерывистый звук. || *однокр. тенькнуть*, -ну, -нешь. *Тенькнул колокольчик.* || *сущ. теньканье*, -я, *ср.* [11], а также в Русском семантическом словаре зафиксирован глагол *дзенькать* в общем перечне глаголов, обозначающих восприятие органами чувств качеств, признаков при восприятии слухом [12, с. 123].

Звукоподражательные глаголы Г. Яхина употребляет в описании действий для создания живой звучащей картинки повествования, усиливая таким образом экспрессию текста, например, в романе «Эшелон на Самарканд»: *Звякает ремень, шуришит одна ткань, вторая* [6, с. 283]; *Прошли через платформу, прохрустели по щбенке...* [Там же, с. 139]. Можно отметить, что глагол *хрустеть* обычно используется при характеристике производимого самим субъектом действия: *хрустеть*, хрущу, хрустишь; несов. 1. Издавать хруст. *Снег хрустит под ногами. Пыль хрустит на зубах.* 2. Есть с хрустом. *Х. огурцом.* || *однокр. хрустнуть*, -ну, -нешь [11], а в тексте романа Г. Яхиной он аккумулирует в себе

значение синтаксического и семантического предиката.

Легкий, яркий и сочный язык произведений Г. Яхиной не лишен стилистической маркированности, писательница достаточно часто обращается к просторечию. На наш взгляд, это может быть обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, просторечия в речи персонажа могут свидетельствовать о его эмоциональном состоянии. Изначально обладающие особой экспрессивностью, просторечные слова и выражения, произнесенные с особой интонацией, оказывают более сильное воздействие на реципиента: *«Опусти, дура, – отвечал он из травы. – Шмальнет!»* [7, с. 355].

Во-вторых, просторечия часто используются для речевой характеристики персонажей, указывая на их социальный статус, уровень образования и проч.: *Скоро доложили, что беременной бабе в трюме поплохело* [Там же, с. 212]. Из приведенного примера видно, что просторечный глагол *поплохеть* в сочетании с существительным *баба* характеризует, скорее, не саму женщину, о которой идет речь, а того, кто доложил о ней.

В-третьих, просторечия могут служить особым маркером при описании либо соответствующей обстановки, либо самих персонажей, что также характеризует их с точки зрения социального положения: *...обитатели приемника глазели в окна, резались в карты, болтали, дрыхли, выкусывали вшей, просто таращились бездумно в потолок* [6, с. 21].

В целом можно сказать, что Г. Яхина мастерски вплетает в канву повествования просторечную глагольную лексику, описывая происходящее не только достоверно, но и весьма колоритно: *И нищесбродит, молоко по ночам таскает* [5, с. 173]; *Здесь же паровозы с прошлого века еще туда-сюда шлындают!* [Там же, с. 268]; *Бах шуровал веслами по зыбкому телу реки* [Там же, с. 302]; *...(девочка)... вбуравилась в ворох перинных складок...* [Там же, с. 157]; *Ребенок лежал неподвижно, продолжая глазеть в ответ, лишь ветер пошевеливал серые космы на лбу...* [6, с. 230].

Встречаются в языке романов Г. Яхиной окказиональные образования глаголов. Чаще всего это проявляется в добавлении писателем аффиксов, которые создают новое слово, выделяют экспрессивное значение. Ярким примером является использование глагола *недостыдилась* в контексте романа «Зулейха открывает глаза»: *Словно весь ее стыд, прошлый и настоящий, слился воедино, вобрал в себя все, за что недостыдилась в этот безумный год...* [7, с. 339]. Использование префикса *недо-* в данном случае оп-

равдано самим контекстом: соединение всего страшного, трагичного, ужасного, что случилось в жизни героини романа – Зулейхи – до этого момента, не было еще пределом, и вот теперь последняя капля – запретная страсть-любовь к убийце своего мужа. В словарях русского языка глагол *стыдиться(ся)* отмечается только с префиксами *по-, за-* [11], таким образом Г. Яхина использованием иного префикса создает окказиональное яркое экспрессивное значение. Можно отметить особенность писателя использовать глаголы, которые не только «подменяют» одно действие другим, при этом произведенное действие вполне понятно читателям по описанию, является более экспрессивным, но и в контексте сразу подразумеваются все значения глагола: *Баба затрепыхалась следом* [6, с. 139]. Глагол *трепыхаться*, -аюсь, -аешься; *несов.* (разг.). 1. Судорожно дергаться, колебаться, дрожать. *Рыба трепыхается на песке. Флажки трепыхаются на ветру.* 2. *перен.* Волноваться, нервничать. *Т. из-за пустяков. || однокр. трепыхнуться, -нись, -нешься (к 1 знач.)* [11]. На наш взгляд, в данном примере можно отметить, что глагол *затрепыхалась* совмещает в себе семы движения, направленного вперед, которое совершается судорожно, нервно, так как женщина боится, не знает, что ее ждет, предыдущее описание ее состояния свидетельствует об этом: *...глаза ее забегали...округлились от испуга... Затрясла губами...и бледнеет стремительно...* [6, с. 138].

Язык романов Г. Яхиной яркий, сочный, экспрессивный, при этом она умело использует разговорные элементы в рамках авторской речи, например, при описании поведения и действий героев, чем поддерживает некую разговорность повествования: *Глупо вскочил – запетушился, как подросток* [6, с. 90]. Глагол *запетушиться* в словарях русского языка идет с пометой разговорный, даже фамильярный: *сов. разг.* Начать петушиться, ведя себя запальчиво, заносчиво [10]. Возможно смешение глаголов, что тоже может свидетельствовать о намеренном создании речевой ошибки для поддержания иллюзии разговорности повествования, например, образование неличной формы глагола в контексте – *заШпаренный*: *...Бах бросал на печь влажную одежду, согревал ступни в тазу с зашпаренным чабрецом...* [5, с. 23]. Ср. в словаре: *ЗАпаривать несов., перех.* 1) Замачивать горячей водой раскохшуюся деревянную посуду; 2) Заливать, заваривать кипятком для размягчения; распаривать – *несов., перех., разг.* оШпаривать – Обливать кипятком, обваривать [10].

Для создания экспрессии, точности передачи состояния героя или окружающей действитель-

ности писательница обращается к использованию устаревших грамматических форм глаголов, возвращается к истокам языка: *...а голова гудит, горячает, наливается яростью...* [7, с. 294]. Так, используемая в контексте форма *горячает* относится к устаревшему глаголу *горячить* (I спр.) со значением направленности действия на себя, утраченному на современном этапе по свидетельству словарей. Словарь русского языка XVIII в.: *ГОРЯЧѢТЬ, ѣю, ѣет, несов. (Един.) Становиться горячим.* Нижняя часть <воздуха> есть горяча и влажна; .. и горячѣет для солнечных лучей от земли отбивающихся. О воздухе 2 [13, с. 186]; Словарь Ожегова: *горячить, -чѹ, -чишь; -ченный (-ен, -енá); несов., кого-что.* Согревать, а также возбуждать, раздражать. *Вино горячит кровь. Г. коня. || сов. разгорячить, -чѹ, -чишь; -ченный (-ен, -енá). || прил. горячительный, -ая, -ое. Горячительные напитки (алкогольные)* [11]. Употребление устаревших вариантов глаголов и глагольных форм встречается довольно часто в произведениях Г. Яхиной, при этом можно отметить словообразовательные варианты, *вм.* *Обветшать – Изветшать: «Дворец» Вагнера изветшал вконец* [5, с. 102]. Писательница в ряде случаев заменяет глагольные формы в пределах близких по содержанию контекстов, например, замена неличной формы в словосочетании *поеденный молью* на устаревший вариант *траченный молью*: *...они превратились в траченное молью старье и ветошь* [Там же, с. 175] ср. – *...все поеженные молью сюртуки...* [Там же, с. 180]. На наш взгляд, использование устаревших вариантов придает особую насыщенность языку художественного текста, относящегося к описанию событий прошлого.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что глагол способен не только передавать значение процессуальности, но и обладать экспрессивностью. Все это дает огромные возможности для использования глагола в художественном тексте как средства выразительности, что мастерски продемонстрировано в романах Г. Яхиной. Проведенное исследование показало, что основные приемы создания глагольной экспрессии в произведениях автора – использование семантико-стилистических возможностей глаголов, привлечение устаревшей лексики для воссоздания колорита, создание окказиональных вариантов.

Список источников

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М: Высшая школа, 1986. 642 с.
2. Кошкарлова Е. Г. Идеино-художественный диапазон «женской темы» в прозе современных рус-

ских писательниц и оценках литературной критики: дис. ... канд. филол. наук: Псков, 2005. 197 с.

3. Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук: Ставрополь, 2007. 234 с.

4. Пастухова Е. Е. Русская "женская проза" рубежа XX-XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики: дис. ... канд. филол. наук: Саратов, 2010. 147 с.

5. Яхина Г. Дети мои. М.: Издательство АСТ, 2019. 493 с.

6. Яхина Г. Эшелон на Самарканд. М.: Издательство АСТ, 2021. 507 с.

7. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: Издательство АСТ, 2018. 508 с.

8. Кондрашов Н. А., Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в системе русской лексики // Лексическая семантика: сб. научных трудов. Свердловск, 1991. 120 с.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/23/ma463526.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.03.2022).

10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 12.03.2022).

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 12.03.2022).

12. Русский семантический словарь. IV. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 2007. 924 с.

13. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1989. Вып. 5. Выпить – Грызть. 256 с.

T. Tolstoi, L. Petrushevskoi, L. Ulitskoi: dis. ... kand. filol. nauk [Typology and Poetry of Women's Prose: Gender Aspect. Based on the Works of T. Tolstoy, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya: Ph.D. Thesis]. Stavropol, 234 p. (In Russian)

4. Pastukhova, E. E. (2010). *Russkaya "zhenskaya proza" rubezha XX-XXI vekov v osmyslenii otechestvennoi i zarubezhnoi literaturnoi kritiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Russian "Women's Prose" at the Turn of the 21st Century in the Consideration of Russian and Foreign Literary Criticism: Ph.D. Thesis]. Saratov, 147 p. (In Russian)

5. Yakhina, G. (2019). *Deti moi* [My Children]. 493 [3] p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

6. Yakhina, G. (2021). *Eshelon na Samarkand* [A Train to Samarkand]. 507 [5] p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

7. Yakhina, G. (2018). *Zuleikha otkryvaet glaza* [Zuleikha Opens Her Eyes]. 508 [4] p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

8. Kondrashov, N. A., Tret'iakova, V. S. (1991). *Zvukopodrazhatel'nye glagoly v sisteme russkoi leksiki. Leksicheskaya semantika* [Onomatopoeic Verbs in the System of Russian Lexicon. Lexical Semantics]. Sb. nauchnykh trudov. 120 p. Sverdlovsk. (In Russian)

9. *Slovar' russkogo yazyka* (1999) [Dictionary of the Russian Language]. V 4 tomakh. RAN, In-lingvistich. issledovani; Pod red. A. P. Yevgen'yevoy. 4-ye izd., ster. Moscow, Russkii yazyk; Poligrafresursy. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/23/ma463526.htm?cmd=0&istext=1> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

10. Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Explanatory-Derivational Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

11. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 Words and Phraseological Expressions]. Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-ye izd., dopolnennoye. Moscow, Azbukovnik. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

12. *Russkii semanticheskii slovar'. IV. Tolkovi slovar', sistematizirovannii po klassam slov i znachenii* (2007) [Russian Semantic Dictionary. Vol. 4. Explanatory Dictionary Classified by Classes of Words and Meanings]. 924 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

13. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* (1989) [Dictionary of the 18th-Century Russian Language]. 256 p. Leningrad, Nauka. Volume 5. Vypit' – Gryzt'. (In Russian)

References

1. Vinogradov, V. V. (1986). *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language: A Grammatical Teaching of Word]. 642 p. Moscow, Vysshaya Shkola. (In Russian)

2. Koshkarova, E. G. (2005). *Ideino-khudozhestvennyi diapazon "zhenskoi temy" v proze sovremennykh russkikh pisatel'nits i otsenkakh literaturnoi kritiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Ideological and Artistic Spectrums of Women's Issues in Prose of Modern Russian Female Writers and Literary Criticism Evaluation: Ph.D. Thesis]. Pskov, 197 p. (In Russian)

3. Pushkar', G. A. (2007). *Tipologiya i poetika zhenskoi prozy: gendernyi aspekt: na materiale rasskazov*

The article was submitted on 12.02.2022
Поступила в редакцию 12.02.2022

Колосова Елена Ивановна,

кандидат филологических наук,

доцент,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

hkolosova@yandex.ru

Гимранова Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук,

доцент,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

tgimranova@163.com

Kolosova Elena Ivanovna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

hkolosova@yandex.ru

Gimranova Tatyana Aleksandrovna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

tgimranova@163.com